

«Увековечить историю нашей малой Родины»

Дети войны вспоминают о своей жизни на линии фронта 74 года назад.

Где проходила линия фронта около Аксиньины в начале декабря 1941-го? Какие села и деревни между Звенигородом и Никольной Горой были захвачены немцами? Откуда вели огонь наши «Катюши» и пушки по расположению фашистов в Палицах и Грязях? Как погибли советские разведчики? Как погибли советские разведчики в Маслове? С каких позиций началось контрнаступление Красной Армии 5 декабря 1941-го? Ответы на эти и многие другие вопросы, которые сейчас, в год 70-летия Великой Победы, особенно остро стали интересовать многих местных жителей и москвичей-«данинцев», можно найти в сборнике «Навечно в памяти народной. Война в окрестностях Аксиньины».

Авторы – Валентин Башмаков, бывший глава Аксиньинской администрации и Александр Галкин, заведующий культурно-досугового центра с. Аксиньино, – опубликовали

Авторы-составители сборника В.В. Башмаков (слева) и А.Е. Галкин. Фото КДЦ «Аксиньино».

вали воспоминания четырнадцати ветеранов – местных жителей – из Аксиньины, Козина, Ивановки, Грязи, Палищ, Маслова, Иславова, Козинки, Никольной Горы, – чьи дедовства выпали на годы войны. В их рассказах – отголоски жизни в детской памяти истории о том, как они, будучи совсем маленькими детьми, пережили в землянках от обстрелов и убегали через замёрзшую Москву-реку – подальше от линии фронта; как спасали раненого командира и помогали хоронить его бойца; как общались с пришедшими немцами, а после изгнания врага помогали взрослым восстанавливать разрушенные дома и возрождать мирную жизнь.

Издание богато иллюстрировано, в том числе и архивными фотографиями; в нём представлены все виды памятных мемориалов, установленных в окрестностях Аксиньины.

Чем дальше уходят военные годы, тем ценнее становятся даже мельчайшие крупицы воспоминаний свидетелей той героической битвы с врагами, – делится впечатлениями о сборнике Владимир Грамматиков, популярный режиссёр и кинодраматург, живущий сейчас недалеко от Аксиньины. – Вот почему с таким волнением и интересом читаешь впечатлительные своей очевидностью предельно подробные рассказы местных жителей об упорных боях под Звенигородом и в окрестностях в ноябре-декабре 1941 года, о днях немецкой оккупации, о мятражах беженцев... Собранные вместе, эти свидетельства дают наглядное представление об атмосфере человеческих жертв и испытаниях мирных, простых людей, которые оказались в те грозные дни на пути наступающих на Москву гитлеровских войск и встретили затем начало нашего зимнего контрнаступления.

Этот документальный сборник очень нужен всем нам, особенно новым поколениям односельчан, – подчеркнул режиссёр. В этом номере редакция газеты «Успенское шоссе» совместно с АНО «Школа «Президент» представляет читателям некоторые главы из сборника «Война в окрестностях Звенигорода». По вопросам сотрудничества можно обратиться по тел. 8-910-475-94-40.

«Война в окрестностях Аксиньины»

Сборник воспоминаний местных жителей о событиях осени-зимы 1941 года на северо-востоке от Звенигорода недавно вышел из печати. Авторы-составители – Валентин БАШМАКОВ и Александр ГАЛКИН, опубликовав рассказы четырнадцати земляков, которых война застала ещё совсем юными, хотели в первую очередь, как они подчеркнули, «увековечить историю нашей малой Родины».

Палицы – «опираясь» на пять фамилий

До войны несколько семей составили основу нашей деревни Палицы. Это родственники и однофамильцы – Захаровы, Ильины, Степановы, Прохоровы, Лукашины.

Мой дед – Тимофей Фёдорович Лукашин – был портным по пошиву полушубков. С моей бабушкой – Аграфеной Лаврентьевой – жил в собственном доме в восточной части деревни. В семье было восемь детей – четверо мальчиков и четыре девочки.

В 1941 году некоторые жители Палиц переехали в Аксиньино, Иславова, Успенское. Другие, оставшись дома, готовились спастись от обстрелов в землянках.

2 декабря немцы заняли Палицы, и те семьи, которые не эвакуировались, фашисты погнали в Рузю, как говорили, для дальнейшей отправки в эшелонах на запад. Среди них оказалась наша семья.

Чёрные чужие сапоги

...В декабре 41-го мне было четыре с половиной года, я запомнила лишь некоторые эпизоды; в основном о событиях тех дней мне рассказывала мама.

С её слов, с конца ноября 1941 года в нашем доме находились два красноармейца, звали их Иванами. Они узнали о том, что 1 декабря немцы заняли Грязь (в двух километрах от Палиц). Взяли пулемёт и, заверив хорунжих, звали их Иванами. Они узнали о том, что 1 декабря немцы заняли Грязь (в двух километрах от Палиц). Взяли пулемёт и, заверив хорунжих, звали их Иванами. Они узнали о том, что 1 декабря немцы заняли Грязь (в двух километрах от Палиц). Взяли пулемёт и, заверив хорунжих, звали их Иванами.

Через какое-то время пришли немцы, обнаружили нас и приказали вылезать. Так как я была маленькой, меня подсадили. Когда моя голова сравнялась с краем ямы, я увидела ряд чёрных начищенных сапог. Я это помню до сих пор, как и команду «Scnell!».

Смерть дедушки Тимофея

Нас вместе с другими семьями (а это в основном женщины и дети) из деревни, которые не смогли эвакуироваться и скрыться, фашисты погнали на запад в район Рузы.

Мы спешно собирались. Дедушка Тимофей зашёл в дом, сказал, что забыл взять с собой выкройки. В этот момент в дом погнал снаряд – начался обстрел. Дед как-то вылез в сени, там его нашла тетя, прибавшая на помощь. Видно, у деду оторвало ногу. Идти вместе с нами он уже не мог, про-

Ученики Аксиньинской школы с учительницей А.М. Заверовой. До войны оставались совсем лет...

Хождение по мукам

Нина Ивановна СОЛОВЬЁВА (ЛУКАХИНА), 1937 г.р., дер. Палицы.

стонал: «Остаюсь здесь, а вы спасайтесь». Тут – ещё один взрыв. Всё загорелось, начало рушиться. Так погиб мой дед Тимофей Фёдорович Лукашин. Мама побежала в наш дом у пруда (мы жили отдельно от дедушки и бабушки), чтобы взять в дорогу хотя бы какую-то одежду и еду. Но на крыше уже был закреплён немецкий флаг. Они вонзурть её не пустили.

Тяжёлая дорога на запад. Первой деревней на нашем пути были Липки. Помню сарай, на полу которого постелена солома, и громко визжащего поросёнка, которого тащил за ногу немец.

Там нам присоединились ещё некоторые местные. Дальше нас погнали по лесополосе в деревню Кезьмино. Там мы ночевали в дощатом сарае, на полу которого была настелена солома.

Что мне запомнилось: на повозках лежали раненые немцы, откуда их привозили – не знаю.

Потом мы прошли большой путь через ряд деревень: Скоково, Дутьево, Лихачёво, Цыганково... Был очень глубокий снег и сильный мороз. Ночевали в сараях и ковылках сена или соломы. Как не замёрзши, не помню.

Помню, что в Цыганкове в семье Соловьёвых произошла трагедия – на санках замёрз или умер от голода молодой трёх лет Валентин. Мы его там и похоронили. (А второй мальчик из этой семьи – четырёхлетний Виктор – выжил и много лет спустя стал моим мужем).

У нас в Палицах был ещё один портный по пошиву одежды, дядя Вася Захаров. Его племянница Валентина шла с нами. Она обморозила ноги. Как она страдала – не передасть!

Точно не помню, но, кажется, в Лихачёве мы вошли в дом, который внутри был перегорожен. В одной части дома находилась мать, в другой – немцы. Они через перегородку на пол бросали конфетки и наблюдали за нами, поднимая или нет. Голодные мы – как не поднять! Но это оказались пустые обёртки. За перегородкой – хохот, а у нас – слёзы.

Вот так они развлекались. Правда, один немец накормил нас лаской. Не могу не рассказать ещё об одном эпизоде из воспоминаний мамы. Это тоже было где-то в районе Цыганкова. Сын тети Ноши Ильиной, Коля, учился в профтехучилище. В пятнадцатый класс с лыжками он и отправился с нами в путь. И вот какой-то бешеный немец увидел его, испугался и закричал: «Партизаны!». А потом на глазах у тети застрелил его. Чем ближе к Рузе, тем больше было жестокости.

Около одной деревни помню четырёх повешенных наших ребят. У одного из них висели волосы, развешивались на ветру. Потом рассказывали, что среди них был учитель из Покровского.

Я ослабла до такой степени, что ноги меня не держали. В каком-то доме

Нина Ивановна Соловьёва (Лукахина).

Максимальное продвижение немецко-фашистских войск в районе г. Звенигорода к исходу 4 декабря 1941 г.

(Подготовлено В.В. Башмаковым по материалам историка Ю.А. Краснова с уточнениями И. Михалёва).

Масловская трагедия

Александр Егорович МЕДВЕДЕВ, 1932 г.р., дер. Маслово.

Фашисты шли целью. 3 декабря 1941 года мы – трое мальчишек – сидели в капонири (окоп с потолком, в котором проделано прямоугольное отверстие). Мне тогда было девять лет, другу моему тоже – а третий, Андрей, сын соседа Макара Кострова, был постарше.

Что привело нас в это укрытие? Конечно, бальовство. В капонири на полу была солома, мы её загли. Из отверстия в потолке повалил дым. Наверное в это время что-то зашумело, забухало, с перерывами застрочило. Стрельба была совсем рядом, мы выскочили из укрытия и побежали к себе в деревню в Маслово (так тогда часто называли дер. Маслово. – Ред.).

Миниметный и автоматный обстрел скоро прекратился, и мы увидели, что со стороны Чеснокова, а это северо-запад, брели две лошади. Одну из них под уздцы вёл окровавленный красноармеец с непокрытой головой (как потом выяснилось – разведчик). Другая лошадь с распоротым животом еле переминалась вслепую. Боец попросил нас отдать ему шапку. Я был в старом полушубке, и не задумываясь, протянул ему. Потом к красноармейцу подошёл Макар Костров, оказал раненому первую помощь, помог оседлать лошадей. И тот верхом, еле держась на лошади, отправился в сторону Никольной Горы.

Наконец у нас в Маслове появились наши солдаты, разместились в домах. Но утром перешли на Никольную Горю. И вот – теперь этот красноармеец...

...А фашисты долго себя ждали не заставляли. Выдвигались из леса цепью в два ряда на Масловское поле с западной стороны. Разведгруппа вошла в деревню первой. Один из немцев, увидевший, что Макар помог нашему бойцу, набросился на Макара. Спасло его то, что он был участником Первой мировой войны и немного знал немецкий язык. Сямог погасить агрессию немца, разошлись мирно.

В конце 43-го, продав картошку, выращенную на огороде, наконец-то достроили дом – на старом месте, возле пруда в Палицах.

Мама серьёзно подорвала здоровье в эти тяжёлые годы – сказалась переживая, испытывая, горе. А я пошла учиться – занималась сначала в Аксиньино, затем в Козине. Закончила 7 классов.

Вышла замуж за Виктора Соловьёва – помните того мальчаника, что шёл с нами в декабрьские дни 41-го в Рузю? Он стал механизатором высокого разряда. Увиделась с ним после большого перерыва. Вначале в поле за деревней, потом – на танцах в Аксиньинском клубе. Как это было давно...

Сейчас у меня – хорошая дочь и замечательные, уже взрослые внуки. Жизнь прошла в труде, любви и ожидании. Жаль только, что не стало моего Виктора...

Александр Егорович Медведев.

Маслова снова наша!

...Немцы от нас ушли так же неожиданно, как и пришли. 4 декабря они вернулись в район деревни Чеснокова, что в пяти километрах от нашей.

Народ стал возвращаться. Опять же, Макар соорудил, что красноармейцы, которые находились в Успенском и на Никольной Горе, могут не зная, что немцы спешно покинули окрестности. И есть опасность, что наши могут открыть огонь по деревне – тогда пострадает мирное население.

Он выставил с юго-восточной стороны посты из женщин и детей и попросил их громко кричать: «Солдаты, не стреляйте! Немцев в Маслово нет!» И это сработало. Хотя вечером 4 декабря один миниметный залп из района Успенского по Маслову наша артиллерия всё же произвела. К счастью, обошлось без жертв.

В первой половине дня 5 декабря в деревне появились три разведчика-красноармейца на лошадях. Они выехали со стороны Сосен и Никольной Горы. Что запомнилось – это их добротное снаряжение: белье полушубки, шапки, валенки и – автоматы. На лицах усталость и серьёзность. Потом подошли и основные силы. Маслова стала нашей!

Домой мы вернулись 6 декабря – всей семьёй. Выяснилось, что серьёзно повреждена от пуль и осколков крыша дома. Но была и радость: к вечеру вернулась четырёх дней корова, которая бродила по территории по морозу неизвестно где. Как она уцелела среди взрывов и пуль? Удивительно!

В подвале перед отходом мама припрятала немного крупы и картошки, которые тогда очень пригодились, и корова пришла – это ли не радость!

...Потом ещё долго женщины и мальчишки откупывали снежные буржуйки, грузили убитых солдат и подвозили их на лошадях с санями – к братским могилам, где их и хоронили. Таких могли вокруг деревни Грязь быть три, и одна ехала на северной окраине села Козина.

А впереди у нас оставались три с половиной года крови и печали, потерь и ожиданий.

Конная разведка активно использовалась в годы Великой Отечественной. С одной из таких бойцов и встретился около деревни Маслово 3 декабря 1941 г. А.Е. Медведев.

Как мы спасли раненого командира

Виктор Петрович ТАРАШКИН, 1928 г.р., дер. Ивановка.

В конце ноября 1941 года часто слышалась сильная канонада и просматривалось зарево севернее Звенигорода... в районе Ершово Паники в семье не было, но беспокоество присутствовало. Вечером 1 декабря все легли спать – мама, я, мой брат Владимир, тетка Матрёна и две племянницы – Раиса и Лида. А утром 2 декабря нас разбудил резкий стук в окно и дверь. Послышался взволнованный голос: «Что вы спите, в деревне Грязь – немцы!».

По «сарфанному радио», обычное не работало, дошло сообщение, что надо эвакуироваться, уходить через деревню Дунино.

Брата Володи дома не оказалось, он рано ушёл на работу в артель «Металлист», а она в тот день уже была закрыта. Возвратиться в деревню брат мог только по-пластунски, немцы уже вели сильный прицельный пулемётный огонь со стороны Грязи.

Стали готовиться к уходу. Тут в доме появилось много наших солдат. Погнали в лес, в Сосны, а в лесу в то время было не очень-то безопасно. В начале декабря немецкая авиация продолжала регулярно летать в сторону Москвы для бомбёжек (хоть и не так часто, как летом). Иногда же фашисты сбрасывали бомбы в районе Убор-Дуби и – почему-то в лесу возле Маслова.

Стали готовиться к уходу. Тут в доме появилось много наших солдат. Погнали в лес, в Сосны, а в лесу в то время было не очень-то безопасно. В начале декабря немецкая авиация продолжала регулярно летать в сторону Москвы для бомбёжек (хоть и не так часто, как летом). Иногда же фашисты сбрасывали бомбы в районе Убор-Дуби и – почему-то в лесу возле Маслова.

Народ стал возвращаться. Опять же, Макар соорудил, что красноармейцы, которые находились в Успенском и на Никольной Горе, могут не зная, что немцы спешно покинули окрестности. И есть опасность, что наши могут открыть огонь по деревне – тогда пострадает мирное население.

Он выставил с юго-восточной стороны посты из женщин и детей и попросил их громко кричать: «Солдаты, не стреляйте! Немцев в Маслово нет!» И это сработало. Хотя вечером 4 декабря один миниметный залп из района Успенского по Маслову наша артиллерия всё же произвела. К счастью, обошлось без жертв.

В первой половине дня 5 декабря в деревне появились три разведчика-красноармейца на лошадях. Они выехали со стороны Сосен и Никольной Горы. Что запомнилось – это их добротное снаряжение: белье полушубки, шапки, валенки и – автоматы. На лицах усталость и серьёзность. Потом подошли и основные силы. Маслова стала нашей!

Домой мы вернулись 6 декабря – всей семьёй. Выяснилось, что серьёзно повреждена от пуль и осколков крыша дома. Но была и радость: к вечеру вернулась четырёх дней корова, которая бродила по территории по морозу неизвестно где. Как она уцелела среди взрывов и пуль? Удивительно!

В подвале перед отходом мама припрятала немного крупы и картошки, которые тогда очень пригодились, и корова пришла – это ли не радость!

...Потом ещё долго женщины и мальчишки откупывали снежные буржуйки, грузили убитых солдат и подвозили их на лошадях с санями – к братским могилам, где их и хоронили. Таких могли вокруг деревни Грязь быть три, и одна ехала на северной окраине села Козина.

А впереди у нас оставались три с половиной года крови и печали, потерь и ожиданий.

«Кто – пел, кто – плясал, кто – плакал...»

Нина Петровна ИСАКОВА (МОИСЕЕВА), 1936 г.р., с. Аксиньино.

Н.П. Исакова. Фото 1970-х годов.

Перед войной в нашей семье было семь человек: родители, бабушка и четверо нас, детей. Жили в Аксинье в доме на две семьи, с соседями – Шубиными. Держали хозяйство: коз, кур, поросёнка; большой двор, чтобы как можно быстрее уехали.

Мама работала секретарём сельсовета у председателя Аграфены Ивановны Тимошиной.

Отец, Пётр Максимович, трудился в Москве. Когда началась война, он сказал, что, наверное, пойдёт на фронт добровольцем, – хотя у него была бронь. Так и получилось; он ушёл в ноябре 1941-го, призывался из Звенигорода.

Мама в день прощания сильно плакала, рвалась папу провожать. Но отец не разрешил. Когда он ушёл, бабушка Алёна поставила по его следам дощатки, по которым мы шли с другими деревенскими поехали прямо по замёрзшей Москве-реке, по льду – в сторону Успенского.

Там мы вышли и отравились к родне – к Гагаринам. У них жили три месяца: до начала марта 42-го. С мамой иногда ходили «по миру» – деревенские нам помогали. Как-то она отправилась в Аксиньино, за нашей последней койкой, которая оставалась в нашем доме, где тогда жили солдаты. Они козу не отдавали, хотя мама говорила, что у неё четверо маленьких детей и старая бабушка. Но пришёл их командир, и велел козу отдать, да ещё передал два пуда муки.

...Когда немцев отогнали, мы домой сразу не вернулись – изба была сильно разрушена. Потом кое-какие стены отремонтировали, окна соломою забили. Печку топчили три дня, пока дом немного нагрелся. Так и начали в нём жить. Потом соседский дед встал нам стёкла.

Было очень голодно. Хорошо, что маме выделили корову из стада, которое она с другими женщинами пригнала из-под Рузы. Дали коров тем, у кого было много детей – ещё в две семьи. А мы стали работать в колхозе, в полях.

...9 мая 1945-го мы были дома. Вбегает мама, плачет, кричит: «Победа!» И стали всем вместе собираться праздновать. У кого янчики были, у кого картошка, кто луку зелёного с огорода, кто хлеба принёс... Взрослые собрали общий стол. А мы, детишки, под окнами бегали, смотрели. Там кто – пел, кто – плясал, кто – плакал.

А как матери нашей было не плакать! У неё погибли муж, отец, брат мужа – дядя Тимофей и дядя Яша – четыре человека! А потом мама сгорела ещё свою маму – нашу бабушку, и свекровь. Но – выдержала, не сломалась. И нас подняла!

В конце ноября при приближении к Аксиньино, Деревенских стали выселять, многие отравились в Иславова. Мы – мама, бабушка, я, две сестры и брат – тоже собрались. Но

Война в окрестностях Аксиньины. Воспоминания местных жителей о событиях войны на северо-востоке от Звенигорода.

В Москве открылась первая в этом году гостиница

Это турецкий четырёхзвёздочный отель Dedeman Park Izmailovo – на 110 номеров повышенной комфортности.

– Сегодня мы нуждаемся в таких отелях, – заявил на церемонии открытия руководитель столичного департамента туризма Владимир Черников, – особенно в преддверии чемпионата мира по футболу.

Посол Турции в России Умыт Ярдям подчеркнул важность открытия таких отелей как символ развития российско-турецких отношений.

Группа компаний Dedeman была основана в 1918г. и сегодня является одним из крупнейших холдингов в Турции. Её «дочка» – Dedeman Park Hotels, насчитывающая сейчас 16 отелей в различных точках мира, – теперь присутствует и в Москве.

«УШ».

«Коля из прошлого»

Так называется экспозиция работ известного столичного и подмосковного фотографа Юрия КОРОВИНА, открытая в выставочном зале ЦС ВООПИК (метро Кропоткинская, Гаражский переулок, дом 4).

Экспонируется более 30 фотографий, на которых запечатлены Крым 60-70-х годов прошлого века. Празднично-солнечные образы курортных мест посетителя здесь не увидит. Автор представил прежде всего снимки-размышления: осенние виды безлюдного пляжа, туманный лес, каменная дорога – «коля из прошлого», одинокий фотограф на пустой набережной...

То обстоятельство, что ощущаемый на выставке далеко не праздничный настрой фотохудожника оказался созвучным сложной кропотливой истории полустроива, да сегодняшнего дня изолирующей восточнеевропейской политической конфликтности, по мнению многих, выигрывают выделяет творчество Юрия Коровина – на фоне современных работ многих его коллег, представляющих, наверное, из конъюнктурных соображений, Крым лишь празднично-парадным, а порой даже – «глянцевым».

Там мы вышли и отравились к родне – к Гагаринам. У них жили три месяца: до начала марта 42-го. С мамой иногда ходили «по миру» – деревенские нам помогали. Как-то она отправилась в Аксиньино, за нашей последней койкой, которая оставалась в нашем доме, где тогда жили солдаты. Они козу не отдавали, хотя мама говорила, что у неё четверо маленьких детей и старая бабушка. Но пришёл их командир, и велел козу отдать, да ещё передал два пуда муки.

...Когда немцев отогнали, мы домой сразу не вернулись – изба была сильно разрушена. Потом кое-какие стены отремонтировали, окна соломою забили. Печку топчили три дня, пока дом немного нагрелся. Так и начали в нём жить. Потом соседский дед встал нам стёкла.

Было очень голодно. Хорошо, что маме выделили корову из стада, которое она с другими женщинами пригнала из-под Рузы. Дали коров тем, у кого было много детей – ещё в две семьи. А мы стали работать в колхозе, в полях.

...9 мая 1945-го мы были дома. Вбегает мама, плачет, кричит: «Победа!» И стали всем вместе собираться праздновать. У кого янчики были, у кого картошка, кто луку зелёного с огорода, кто хлеба принёс... Взрослые собрали общий стол. А мы, детишки, под окнами бегали, смотрели. Там кто – пел, кто – плясал, кто – плакал.

А как матери нашей было не плакать! У неё погибли муж, отец, брат мужа – дядя Тимофей и дядя Яша – четыре человека! А потом мама сгорела ещё свою маму – нашу бабушку, и свекровь. Но – выдержала, не сломалась. И нас подняла!

В конце ноября при приближении к Аксиньино, Деревенских стали выселять, многие отравились в Иславова. Мы – мама, бабушка, я, две сестры и брат – тоже собрались. Но

Вот почему с таким волнением и интересом читаешь впечатлительные своей очевидностью предельно подробные рассказы местных жителей об упорных боях под Звенигородом и в окрестностях в ноябре-декабре 1941 года, о днях немецкой оккупации, о мятражах беженцев... Собранные вместе, эти свидетельства дают наглядное представление об атмосфере человеческих жертв и испытаниях мирных, простых людей, которые оказались в те грозные дни на пути наступающих на Москву гитлеровских войск и встретили затем начало нашего зимнего контрнаступления.

Этот документальный сборник очень нужен всем нам, особенно новым поколениям односельчан, – подчеркнул режиссёр. В этом номере редакция газеты «Успенское шоссе» совместно с АНО «Школа «Президент» представляет читателям некоторые главы из сборника «Война в окрестностях Звенигорода». По вопросам сотрудничества можно обратиться по тел. 8-910-475-94-40.

Как считают руководители фестиваля, новое место позволило привлечь на «Усадьбу Jazz» больше гостей: перед посетителями не будет стоять острая транспортная проблема, удаётся станет парковка. Изменения выступлений и организации выступлений: например, к традиционным площадкам «Аристократ» и «Партёр» прибавятся новые – «Индикатор» и «Усадьба Jazz Club».

Неизменным же останется главное отличие фестиваля: здесь, как всегда, практически любой меломан найдёт «свою» музыку.

В этом году гостей фестиваля ожидают многие популярные исполнители, среди которых: самый известный российский джазмен Игорь Бутман, король афробита, легендарный барабанщик Tony Allen (Франция), австралийские неосоул-группы Hiatus Kaiyote (номинал на премию «Грэмми»), триумфатор шоу «Голос» Антон Блехев и Their Maitz, Диана Арбенина со специальной акустической программой и многие другие.

Итак, до встречи в Царицыне 20-21 июня! Тел. для справок +7(499)248-36-05. Сайт www.usadba-jazz.ru